

Пэй Ду уже сменил окровавленный алый придворный халат на повседневное одеяние глубокого сапфирового цвета. В нём он выглядел сдержанно и благородно, и всё его естество излучало то особое, невозмутимое спокойствие, присущее лишь учёным мужам, облечённым властью.

Но глаза его были иными.

Шэнь Цзюцзю уже встречал этот взгляд. Точно такой же он видел у Пэй Ду в тот миг, когда тот увидел тяжелораненого Суй Цзымина, лежащего в луже крови.

Хотя, убедившись, что жизни Суй Цзымина ничего не угрожает, Пэй Ду быстро вернул себе обычное радушие, и даже в последующем разговоре с Шэнь Цзюцзю не было ничего необычного. Мягкая улыбка, заботливые наставления, даже то, как он спрятал птенца за пазуху, чтобы укрыть от ветра, — каждое его движение полностью соответствовало образу лучшего в мире благодетеля, сложившемуся в сердце Шэнь Цзюцзю.

Но птенец не забыл того леденящего ужаса, что охватил его при виде взгляда Пэй Ду. Без всякого преувеличения, в тот момент Шэнь Цзюцзю показалось, что все его пёрышки встали дыбом.

В комнате стояла такая тишина, что можно было услышать, как упадёт иголка. Пэй Ду с тёплой улыбкой неторопливо откинул полог кровати, полностью открыв взору птенца, а затем, под его напряжённым взглядом, присел на край ложа.

Шэнь Цзюцзю невольно вздрогнул.

Пальцы Пэй Ду мягко коснулись спинки птенца.

— Испугался?

Только в этот миг Шэнь Цзюцзю понял, что вопрос, заданный днём в лесу, относился вовсе не к кровавой бойне, а к нему самому.

— ...Цзю-цзю-цзю... цзю.

Да, было немного... страшно.

Шэнь Цзюцзю подвинул птичий хвостик, отступая к подушке, и, подцепив крылышком платок, которым только что был укрыт, инстинктивно натянул его себе на голову.

— Цзю.

Вот теперь уже не так страшно.

Немного успокоившись, Шэнь Цзюцзю лапкой слегка оттянул платок назад, приоткрыв свои чёрные глазки-бусинки.

— Цзю-цзю-цзю.

Теперь можем поговорить.

Пэй Ду, прислонившись к изножью кровати, с невозмутимым видом наблюдал за всеми действиями птенца. Его пальцы, лежавшие на колене, легонько постукивали, и вдруг он тихо рассмеялся:

— Синэнь, я на самом деле не понимаю твоего «цзю-цзю-цзю».

В любой другой день, в любом другом месте Пэй Ду ни за что не стал бы подражать щебету птенца так... живо и точно.

Шэнь Цзюцзю моргнул.

— Цзю?

Правда не понимаешь? Но ведь раньше они так хорошо общались.

Пэй Ду ничего не ответил. Опущенные ресницы скрывали его глаза, глубокие, как холодные омуты. В отличие от сосредоточенной и изящной сдержанности, которую он демонстрировал в кабинете, сейчас его окружала аура несокрушимого спокойствия, придававшая ему вид ленивого и величественного аристократа.

Он посмотрел на птенца, укрывшегося платком. Пальцы, до этого постукивавшие по ноге, замерли, а затем, после небольшой паузы, длинные и изящные, повернулись ладонью вверх.

Шэнь Цзюцзю тут же метнулся в ладонь Пэй Ду и без церемоний уселся. Платок, покинутый птенцом, медленно опустился на подушку.

Пользуясь тем, что Пэй Ду его не понимает, Шэнь Цзюцзю устроил ему настоящую отповедь.

— Цзю-цзю-цзю-цзю, цзю-цзю-цзю-цзю.

Хотя тот болтун Суй Цзымин и предупреждал меня несколько раз, и я был морально готов.

— Цзю-цзю-цзю-цзю-цзю-цзю-цзю!

Но так внезапно устраивать подобное — это же до смерти напугает любую птицу!

Шэнь Цзюцзю с силой топнул по ладони Пэй Ду, оставив на ней маленький след, похожий на веточку.

— Цзю-цзю-цзю-цзю-цзю... цзю-цзю!

Ты же сам говорил, что твои ученики должны быть полностью на твоей стороне! А твоя птица разве не такая же? Я сам к тебе привязался, и даже если ты злодей, я это принял! Но даже злодеям не пристало так пугать маленьких птичек! От такого представления я уже решил, что ты меня сначала сварешь, потом зажаришь, ощиплешь и потушишь в соевом соусе!

Шэнь Цзюцзю с гордым видом стоял на ладони Пэй Ду, его клюв то открывался, то закрывался, не переставая издавать звуки. Правда, смотреть прямо на Пэй Ду он не решался.

Щебет птенца, полный эмоций, лился непрерывным потоком, но для человека, не знающего птичьего языка, это было лишь набором звуков.

Пэй Ду позволил Шэнь Цзюцзю высказаться, сохраняя вид внимательного слушателя и загадочно улыбаясь. Шэнь Цзюцзю, продолжая щебетать, незаметно косился на него, пытаясь уловить хоть малейшее изменение в выражении лица.

Видя, что Пэй Ду просто молча смотрит на него, птенец начал говорить всё тише и тише.

Поняв, что обмануть его не удастся, Шэнь Цзюцзю прижал крылышки к щекам и, жалобно подняв голову, посмотрел на него влажными глазками-бусинками.

— ...Инь-цзю.

Я же твоя птичка.

Взгляд Пэй Ду дрогнул, в глубине глаз промелькнула и тут же исчезла улыбка.

Шэнь Цзюцзю, будучи маленькой птичкой, не мог разглядеть столь тонких перемен, но почувствовал, что атмосфера стала мягче. Увидев в этом надежду, он тут же взмахнул крыльями, перелетел на плечо Пэй Ду и, прижавшись к его шее всем своим пушистым тельцем, принялся нежно тереться о его кожу прохладным клювом.

— Цзю~

Птичка на твоей стороне~

Увлечённый ласками, Шэнь Цзюцзю почувствовал, как человек рядом с ним повернул голову, и тут же последовал за ним, продолжая тереться.

Пэй Ду не выдержал и тихо рассмеялся.

Шэнь Цзюцзю замер.

Вцепившись в воротник благодетеля, птенец с подозрением поднял голову, пытаясь разглядеть его лицо.

Пэй Ду поднял руку и накрыл его ладонью, уже не скрывая смеха.

Что-то здесь не так.

Шэнь Цзюцзю, оказавшись в полной темноте под ладонью, задумался.

...Это знакомое чувство...

Вспомнив долг по счётам, который вырос с пятидесяти до ста, Шэнь Цзюцзю, снова одуроченный, широко распахнул глаза, и его осенило.

— Цзю-цзю-цзю-цзю!!!!

Разъярённый птенец принялся колотить лапками и крыльями, упёршись головой в ладонь Пэй Ду, а лапками — в его плечо, и с упорством быка пытался выбраться наружу.

Внезапно давившая на него рука исчезла, и Шэнь Цзюцзю, приложивший все силы для рывка, ошеломлённо взмыл в воздух, перевернулся и упал на спину в объятия Пэй Ду.

Он ошарашенно смотрел в потолок.

Пэй Ду откинул со лба растрепавшиеся волосы. Его глаза, ещё недавно глубокие, как холодные омуты, теперь изогнулись полумесяцами, а уголки слегка покраснели от смеха.

— Цзю... ик!

Шэнь Цзюцзю вскочил и, расправив крылья, принялся возмущённо метаться, словно цыплёнок в курятнике. От злости он даже начал икать.

Пэй Ду на мгновение замер, а затем, осторожно взяв птенца в руки, принялся мягко его успокаивать.

Шэнь Цзюцзю лежал на его ладони, свесив голову и безвольно подёргивая лапками, тихонько попискивая.

— Прости, это я виноват, не стоило мне тебя дразнить, — Пэй Ду уже в совершенстве овладел искусством уговоров.

— Цзю! — возмутился Шэнь Цзюцзю.

— Да, я очень плохой, — спокойно согласился Пэй Ду.

Шэнь Цзюцзю уставился на него.

— Разве Цзымин тебе не говорил? — приподнял бровь Пэй Ду.

Шэнь Цзюцзю замер.

А-а-а-а!!! Ну почему, почему он уже столько раз попадался на уловки этого человека, но каждый раз снова ведётся!

Распушившись от злости, птенец втянул и без того короткую шею, превратившись в пушистый шарик.

Пэй Ду с улыбкой протянул палец и легонько ущипнул его за кончик крыла.

— Цзю! — Шэнь Цзюцзю тут же отдернул крыло.

Чего тебе!

Пэй Ду настойчиво повторил попытку. Птенец раздражённо отмахнулся.

Тогда Пэй Ду достал откуда-то большой, спелый, румяный финик и, держа его в пальцах, коснулся крыла птенца.

Шэнь Цзюцзю замер.

Какой красный финик. Став птицей, он ещё ни разу не пробовал фиников.

Он покосился на большой красный плод, шевельнул клювом и, демонстративно отвернувшись, всё же расправил крылья и обхватил лапками предложенное угощение.

Ладно, так и быть, я принимаю твои искренние извинения.

Клюв птенца был маленьким, но очень острым, и вскоре в спелом финике появилась небольшая дырочка.

Ел он очень воспитанно и с особым изяществом. Бананы очищал от кожуры, из мандаринов выплёвывал косточки, а финик сначала проклёвывал, а затем аккуратно обклёвывал по кругу. Отчего-то это создавало впечатление, будто у него прекрасное домашнее воспитание.

Пэй Ду неподвижно держал на ладони птенца и вдруг заговорил. Голос его был тихим, но тон — серьёзным и торжественным.

— Синэнь, спасибо.

Шэнь Цзюцзю перестал клевать финик, поднял на него глаза и, хлопнув крылом по его руке, гордо пискнул два раза.

За что благодарить? Я же говорил. Не бойся, Цзюцзю здесь. Цзюцзю очень сильный.

Пэй Ду мягко погладил его по спинке, в его улыбающихся глазах появилось тепло.

— Я только что спешно проверил твои рассуждения. Может, сегодня вечером мы...

Не успел Пэй Ду договорить, как клюв Шэнь Цзюцзю с глухим стуком вонзился в косточку финика и застрял. Взмахнув крыльями, птенец, не оборачиваясь, полетел к окну.

Птичка сегодня целый день трудилась, спасая этого ходячего человека, чуть не влезла в огромные долги перед воробьями, да ещё и была обманута, а теперь, вечером, ей ещё и предлагают заниматься разбором рассуждений!

И это твоя благодарность?!

Нет, такой благодетель мне не нужен. Пожалуй, я сбегу из дома.

С фиником на клюве Шэнь Цзюцзю плохо видел дорогу, но, будучи умной птичкой, всё же сумел кое-как долететь до окна, лапкой поднять щеколду и вырваться на свободу.

Пэй Ду проводил взглядом улетающий шарик с фиником и, усмехнувшись, покачал головой.

Встав, он подошёл к двери, открыл её и, увидев ожидавшего снаружи слугу, сказал:

— Передай господину Цзиню, что успокоительные благовония во внутреннем дворе больше не нужны.

— Слушаюсь.

Пэй Ду поднял глаза на пруд во дворе, разорённый Шэнь Цзюцзю. Закатное солнце рассыпало по листьям лотоса золотые блики, превращая воду в расплавленное золото.

Он хотел поверить ещё раз.

Раз уж у него есть такой умный и способный Шэнь Цзюцзю, успокоительные благовония ему больше не понадобятся.

...

Вылетев из комнаты Пэй Ду, Шэнь Цзюцзю пролетел немного и приземлился, намереваясь найти место, чтобы снять с клюва финик и продолжить трапезу. Но стоило ему поднять лапку, чтобы упереться в плод, как он услышал знакомый, с трудом сдерживаемый смешок.

— Ого, что это за карамелька на палочке?

Шэнь Цзюцзю хотел было возмущённо пискнуть, но не мог открыть клюв. Он принялся подпрыгивать на месте, пытаясь взлететь к окну. Сегодня он непременно покажет этому надоедливому ходячему человеку, почему финики такие красные!

Проходивший мимо Чжун Бо увидел эту сцену и, поспешив к нему, осторожно снял финик с клюва птенца.

— Молодой господин Суй! — с сочувствием произнёс он. — Как вы можете так издеваться над Цзюцзю? Вижу, вы уже чувствуете себя гораздо лучше. Завтрашнюю куриную ножку, пожалуй, оставим для Цзюцзю.

Раны Суй Цзымина были несерьёзными: яда не было, жизненно важные органы не задеты, лишь множество порезов. Поэтому сейчас он, перевязанный бинтами, лежал на животе и от скуки смотрел в окно. Увидев подвернувшегося под руку Шэнь Цзюцзю, он не удержался от шутки.

Лишившись куриной ножки из-за своего острого языка, Суй Цзымин запротестовал:

— Нет, я не...

Чжун Бо, не обращая внимания на его вопли, ласково погладил клюв Шэнь Цзюцзю и мягко спросил:

— Больно? Если тебе неприятно, дядя Чжун в ближайшие дни будет готовить для тебя мясное пюре, хорошо?

— Цзю-цзю! — Шэнь Цзюцзю доверчиво прижался к руке старика.

Приблизившись, он уловил оставшийся на руках Чжун Бо запах крови.

— Цзю-цзю-цзю-цзю-цзю? — встревоженно запищал он, но ни Чжун Бо, ни Суй Цзымин не обладали сверхъестественной способностью Пэй Ду понимать птичий язык.

— Он спрашивает, не ранены ли вы, — раздался спокойный голос истинного виновника переполоха, подошедшего со стороны галереи.

Услышав это, Чжун Бо ещё больше умилился:

— Ах, какой же наш Цзюцзю умный! Дядя Чжун в порядке, просто голова болит от этого окровавленного халата. Как его теперь отчистить, чтобы господин смог через несколько дней явиться ко двору?

Эти слова, очевидно, предназначались Пэй Ду. Придворные халаты у чиновников, конечно, были не в единственном экземпляре, но они символизировали ранг и статус, и их количество было строго определено. Повредить такой наряд — значит проявить неуважение, за что можно было поплатиться.

— Всего лишь одежда. Сжечь, и дело с концом.

Пэй Ду взял у Чжун Бо рассерженного птенца и вошёл в комнату Суй Цзымина.

Шэнь Цзюцзю, всё ещё дуясь, пнул его пальцы лапкой и, улетев с фиником в другой конец комнаты, принялся яростно его клевать.

Суй Цзымин, увидев это, понял, за чьи грехи лишился своей куриной ножки, и протяжно вздохнул:

— Я так и знал, вечно мне достаётся... Моя бедная куриная ножка... ножка, которая должна была помочь мне восстановить силы...

Пэй Ду, не обращая внимания на его причитания, достал из рукава зелёный свёрток из листьев и спросил:

— Где кольчуга?

Услышав ключевые слова, Шэнь Цзюцзю оторвался от финика и посмотрел на Суй Цзымина.

...Действительно.

Если бы всё шло по сценарию романа, Суй Цзымин, которому суждено было погибнуть от стрелы, не стал бы, словно готовясь к этому, надевать кольчугу — доспех, используемый лишь на поле боя.

Так откуда она у него?

<http://bllate.org/book/13669/1210588>